

ПАМЯТИ В. В. Коммиссар- ЖЕВСКОЙ.

Радость наша, солнышко наше свѣтлое, да веужели же это правда? Неужели же нѣтъ больше тебя?

Больше нѣтъ Коммиссаржевской...

Хрупкая, нѣжная, съ такою могучей любовью, съ такою страшною силой страданія, пришла ты къ намъ, и мы такъ любили тебя, и тянулись къ тебѣ, какъ цвѣты къ солнцу, и вмѣстѣ съ тобою плакали, радовались, приближались на ту высоту, на которой горѣлъ твой огонь...

То, что я пишу, такъ блѣдно, такъ несвязно: вѣдь, все это слова, а сейчасъ хочется... даже не плакать; плакать можно будетъ потомъ, когда пройдетъ первый ужасъ отъ этого удара.

Нѣтъ Вѣры Ѳеодоровны Коммиссаржевской...

Какъ всякій очень крупный талантъ, она имѣла много друзей, и многие—хотя и огромное меньшинство—не чувствовали на себѣ всей власти ея души.

Сейчасъ я говорю только съ друзьями Вѣры Ѳеодоровны, только съ тѣми, для кого спектакли съ ея участіемъ были великимъ праздникомъ.

Васъ много, родныхъ этому исключительному таланту; я помню ваши лица, когда вы восторженно рукоплескали Коммиссаржевской, когда, по окончаніи спектакля, вы спѣшили къ рампѣ, чтобы еще и еще разъ поблагодарить дорогую артистку.

Нѣтъ у насъ съ вами больше Коммиссаржевской.

Мы уже должны вспоминать о ней. Она уже въ прошломъ.

Давайте вспоминать.

Она пришла сразу сильная необыкновенной нѣжностью, кротостью и вдохновеніемъ.

Хрупкая и сильная до послѣдней степени. Сильная душевною силой, которая у этихъ особенныхъ натуръ словно прямо отъ Бога.

Такою силой обладали юныя христіанскія мученицы, когда могли онѣ идти на костеръ, на растерзаніе звѣрей, на все страданія и пытки, съ горящими вдохновеніемъ глазами, съ полной свѣтлою радостію душою...

Вы помните этотъ первый періодъ знакомства нашего съ Коммиссаржевской?

Вѣдь, въ заглъ не было равнодушныхъ; вѣдь, зрители не говорили спокойно:

— Да, вотъ это очень недурно, это хорошо, это слабѣе,—нѣтъ, зрители были въ плѣну, въ радостномъ, счастливомъ плѣну, и переживали то, что переживалось, я помню, на спектакляхъ Стрететовой, на спектакляхъ Иванова-Козельскаго,—этихъ громадныхъ и недостаточно цѣнимыхъ теперь волшебниковъ сцены.

Она подходила подчасъ къ самымъ среднимъ произведеніямъ драматурговъ, и образы, у авторовъ только приличные, наполнялись такою красотой, такимъ творческимъ содержаніемъ, о которыхъ драматургу и не снилось.

Розы въ «Вотъ бабочекъ», подростокъ въ «Юности» Гальбе, героиня «Волшебной сказки»...

А вотъ и болѣе крупные:

«Дикарка», «Безприданница», Марикка, Нора, Мирандолина, Дездемона...

Все это проходило черезъ душу удивительной артистки и выходило оттуда въ свѣтломъ ореолѣ. Свѣтлая, дѣтская ясность, и великое горе, которое бываетъ только тогда, когда чистую дѣтскую душу обманетъ, оскорбитъ наша злая и грязная жизнь...

И всегда пытливо глядѣли ея огромные, лучистые глаза, подобныя которымъ я не знаю. Глядѣли вдохновенно, горя милой, красивой тревогой, стремясь проникнуть въ таинственную, на что-то намекающую, что-то обѣщающую сущность жизни.

Такъ было на сценѣ, такъ было и въ жизни.

Недаромъ же, достигнувъ уже всего блеска своей славы, покоряющая и имѣющая возможность застыть въ достигнутомъ, какъ дѣлаютъ почти всѣ, она вдругъ начинаетъ искать новой правды, новыхъ пріемовъ творчества, новой красоты.

Заинтересовавшаяся тѣми, кто, въ сущности, ничѣмъ не рисковалъ, потому что ничего большого и не далъ искусству, она отдала этому новому свою душу, при-

несла ему въ жертву то огромное, что было достигнуто.

Она повѣрила, и ради новой своей вѣры отреклась отъ того, отъ чего не имѣла права отречься,—отъ своей неповторимой сущности.

Это была ошибка, но такія ошибки кричатъ громче всякихъ заслугъ: только все приносящій въ жертву дѣлу своей души способенъ на такія ошибки—подвиги.

И затѣмъ она рѣшилась на новый подвигъ—жертву: не удовлетворяясь своими новыми исканіями, не въ силахъ вновь вернуться къ старымъ богамъ, она рѣшила уйти со сцены.

Не такъ давно мы всѣ узнали объ этомъ, и сейчасъ передо мною лежитъ мое письмо, котораго я не послалъ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ вѣздѣствіе одного совѣмъ случайнаго обстоятельства.

Я писалъ по поводу ея рѣшенія бросить сцену:

«Все это такъ сложно, и самыя чувства, которыя вы вызвали этимъ своимъ рѣшеніемъ во мнѣ,—они тоже сложны. Тутъ и большая, глубокая печаль: для чего вы это дѣлаете?—Тутъ и огромная радость за васъ; за вашу живую душу: такъ сдѣлать могли только вы... Теперь, когда вы рѣшили, что вамъ нужно уйти отъ сцены, отъ творчества, отъ славы, я чувствую такое волненіе, которое задерживаетъ дыханье, но въ этомъ волненіи много и радости, и гордости за васъ. Такъ было нужно, и одна вы, чуткая и прекрасная, могли сдѣлать это нужное. Да будетъ... Пока вы сами не найдете нужнымъ вернуться къ намъ»...

Потомъ мы прочли, что артистка заболѣла оспой, и стало страшно: неужели это дорогое лицо, такое нѣжное, такое измѣнчивое, такое любимое, будетъ обезображено? Было больно отъ этой мысли.

— Господи, отврати отъ нея этотъ ужасъ...

И мы надѣялись и ждали скорого выздоровленія, потому что извѣстія были утѣшительныя.

И вотъ, сейчасъ звонокъ въ телефонъ:

— Вамъ нужно писать некрологъ, только вы не пугайтесь, хотя это и очень тяжело. Знаете о комъ? О Коммиссаржевской...

И вотъ я сижу и пишу. И чувствую, что нѣтъ у меня такихъ словъ, которыми нужно говорить объ этой потерѣ, но къ вамъ, которые любили Коммиссаржевскую, эти слова пройдутъ въ душу. Нѣтъ ея... Ушла рано, какъ уходитъ все слишкомъ нѣжное, слишкомъ хрупкое, слишкомъ намъ дорогое и близкое.

Прощай. Мы всѣ осиротѣли, и особенно осиротѣла безъ тебя молодежь.

Съ ихъ молодыми душами ты была ближе всѣхъ.

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.